ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ
Анна Ольховская
Танцующая саламандра

Анна Ольховская

Танцующая саламандра

Серия «Варвара Ярцева. Скорая детективная помощь», книга 5

Серия «Детективы о женщине-цунами»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6899771
Ольховская, Анна. Танцующая саламандра : роман : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72401-7

Аннотация

Наследник огромного состояния семейства Кульчицких Павел всегда знал: он особенный. И дело не только в его уникальной внешности, он обладает удивительными паранормальными способностями. Из-за этого дара Павла похитили и теперь склоняют к браку с Ксенией, дочерью известного политика. Она тоже далеко не красавица, но обладает другими достоинствами. При помощи гипноза и психологического внушения девушка способна воздействовать на любого человека. Ксения понимает, что не нравится юноше, и предлагает отличную, с ее точки зрения, сделку – она поможет Павлу выбраться из подземелья и спасти невесту Монику, но взамен он должен… провести с ней всего одну ночь любви…

Содержание

Часть 1 5
Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 26
Глава 9 29
Глава 10 32
Глава 11 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Анна Ольховская
Танцующая саламандра

© Ольховская А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть 1

Глава 1

Это было неприятно.

Нет, не так, неправильно. Что это за слово такое сдержанно-интеллигентное? Лишенное эмоций и красок, словно деловой костюм?

Нет, любезные мои рептилии, это не неприятно, это – гнусно! Мерзко и запредельно подло! И послевкусие такое отвратительно-тошнотворное…

Особенно если вспомнить, что в фарсе более чем активное участие принимала его родная матушка.

Хотя нет, Магдалена не мать ему! Да, именно эта женщина выносила и родила его, но, увидев страшненького уродца, приказала избавиться от ребенка, заменив его родившимся в то же время сыном няньки, Марфы.

А Марфе было велено придушить и закопать в лесу генетический мусор, по какому-то дикому недоразумению родившийся у четы потомственных аристократов, Венцеслава и Магдалены Кульчицких, так кичившихся чистотой своей крови!

Но мама Марфа не смогла убить несчастного малыша, она спрятала его в обогреваемой теплым подземным источником пещерке неподалеку от поместья Кульчицких и выходила мальчика. И назвала его Павлом.

А потом он перестал прятаться и вышел к людям[1] и сразу стал настоящей медицинской сенсацией – прежде люди, страдающие ихтиозом Арлекино, если и доживали до двадцати – двадцати пяти лет, то это была не жизнь, а сплошные мучения.

Он же, Павел, не просто дожил, он собирался жить дальше, долго и по возможности счастливо. Он был абсолютно здоров, силен и, как оказалось, унаследовал от расы, причастной к появлению такого генетического уродства, как ихтиоз Арлекино, мощнейшие ментальные способности.

Змеиный гипноз…

И когда газеты буквально взорвала сенсация о скандале в семье Кульчицких – красавец Сигизмунд, считавшийся родным сыном, оказался психом и маньяком, убивавшим девушек, а родной сын Венцеслава, Павел, выглядел, мягко говоря, шокирующе, раса рептилоидов, давно уже тайно сосуществовавшая с людьми на Земле, оживилась.

Потому что наконец-то, спустя века, их эксперимент по ассимиляции с человеческой расой дал положительный результат!

И они, пообещав Магдалене, так и не признавшей родного сына и продолжавшей считать таковым Сигизмунда (для своих – Гизмо), помочь вытащить того из тюрьмы, при ее активном содействии выкрали раненого Павла.

Едва не погубив при этом всех, кто был ему, Павлу, дорог. Тех, кто не видел в нем медицинский феномен или монстра, кто стал его близким другом. Варя и Олег Ярцевы, Мартин Пименов, Александр Дворкин, Моника…

Нет, Моника не была другом, она… Павел больше жизни любил эту девушку, но и мечтать не смел, что она сможет полюбить его, такого…

Без волос, без ушей, с чешуйчатой кожей.

---

[1] См. романы Анны Ольховской «Драконовское наслаждение» и «Эти глаза напротив».

А она – она смогла! Павел почувствовал это, когда Моника поцеловала его. Потому что он умел настраиваться на чувства и эмоции других людей. И то, что он увидел в душе девушки, было абсолютно искренним…

И это вдохнуло в него силы, и он, несмотря на тяжелое ранение, сумел дать бой рептилиям, отстоять своих друзей, спасти их.

А потом потерял сознание.

А когда пришел в себя – ничего не помнил. Совсем ничего.

Поэтому поверил тем, кого увидел, открыв глаза.

Рептилоидам.

Они все-таки умудрились выкрасть его, воспользовавшись суматохой. И тем, что среди медицинского персонала, обслуживавшего раненого Павла, была их соплеменница.

Эти твари научились легко маскироваться и давно жили среди людей. Ну, страшноватенькие, тощие, несуразно длинные, с приплюснутыми черепами и выступающими вперед челюстями – так мало ли некрасивых людей в мире?

Лысые черепа прикрывались париками, вертикальные зрачки прятали линзы, а раздвоенные языки рептилоидов просто оставались за зубами.

Правда, из-за них, из-за языков, дикция этих тварей была несколько подпорчена обилием шипящих, но в целом все было в пределах нормы. А в особых случаях, когда что-то шло не так, на людей напускался морок. И те видели то, что хотел змей.

Однако ментальными способностями рептилоиды обладали в разной степени. Кто-то едва мог навести слабенький морок, а кто-то умел делать из людей послушных марионеток.

Но таких сильных, к счастью, было очень немного. А Павел, как он постепенно понял, оказался сильнее всех представителей этой расы. Вероятно, его человеческая сущность усилила эффект.

И силу эту он применил против своих друзей… Против признавшего его сразу и безоговорочно отца, участвуя в его похищении.

Потому что на чистом листе его памяти змеи нарисовали искаженную картину реальности, внушив Павлу срежиссированные ими эпизоды его детства и юности.

В этой реальности именно отец, Венцеслав, приказал убить неправильного сына, а мужественная и любящая мать, Магдалена, сберегла его, тайно вырастив в лесу. И Гизмо был его любимым братцем, товарищем по детским играм. И в тюрьму он попал по глупости, из-за наркотиков. А жестокий отец не простил бедному Гизмо эту оплошность и вместо того, чтобы помочь вытащить сына из беды, подло топил его, собирался лишить наследства. Да еще и выгнал из дома мать, когда стало известно, что Магдалена не убила Павла, а вырастила его.

Но мало того, что выгнал – он еще и избил бедную женщину, изуродовав ее до неузнаваемости!

И когда Павел увидел покрытое распухшими шрамами лицо матери, он едва не сошел с ума от ярости. И ненависти к отцу…

В тот момент он меньше всего задумывался, почему мать ни разу не навестила его, что называется, вживую. Почему общение их всегда происходило только по скайпу, что немного напрягало Павла – ему так хотелось окунуться в живительное тепло материнской любви, целительной нежности, солнечного добра!

А через скайп этого не почувствуешь. Только лицо, только глаза, да и их толком рассмотреть не удавалось, мама почти все время плакала и терла их платочком.

Но теперь он знает – Магдалена боялась посмотреть сыну в глаза. Боялась, что он увидит в них равнодушие и отвращение…

Но кто же ее так разукрасил на самом деле? Ведь шрамы на холеном лице женщины были самыми настоящими.

И, если задуматься, очень похожими на когти животного.

– Это не ты, случайно, маменьку мою исцарапал? – Павел приподнял лобастую башку здоровенного черного кота, украшенного кокетливыми белыми манишкой и носочками.

Но больше ничего кокетливого во внешности котяры не было. Он вообще был очень брутальным и мужественным, с покрытой шрамами морденью и суровым взглядом янтарно-желтых глаз.

Но сейчас эти глаза были вовсе не суровыми. Они буквально плавились от счастья и любви. И в раскатистом мурлыканье кота было почти четко слышно: «Нашел!»

Он действительно каким-то невероятным чудом нашел хозяина, отыскал его в подземельях Московского метро, где скрывалось убежище рептилоидов.

Его кот, его Атос, которого Павел спас когда-то крохотным полуслепым котенком. И который стал его первым настоящим другом там, в пещере. Павел научился чувствовать и понимать своего котяру. А он, похоже, тоже чувствовал хозяина на любом расстоянии.

И нашел его. И именно благодаря Атосу Павел вспомнил свою жизнь.

Свою настоящую жизнь.

Глава 2

Атос (правда, благодаря Варе Ярцевой котяра получил еще и фамилию – Карпов) перехватил хозяина в заброшенном тоннеле, служившем переходом из одной части подземного города рептилоидов в другую. Внутрь этого змеиного гнезда кот проникнуть не мог – стальные двери, замаскированные под камень стен, отпирались с помощью магнитных карт. И неизвестно, сколько Атос ждал, пока Павел появится…

Впрочем, отощавшим зверь не выглядел – крыс здесь водилось предостаточно. Кот выглядел счастливым, а теперь, спустя какое-то время, проведенное в обнимашках и нежностях, – еще и нетерпеливым.

Он мягко вывернулся из рук Павла, спрыгнул на неровный пол тоннеля и, отбежав на несколько шагов, остановился и призывно мяукнул. И удивленно посмотрел на хозяина:

«Почему ты стоишь? Пошли домой!»

– Не могу, – тяжело вздохнул Павел.

«Почему? Тебе тут нравится?!»

Кот забавно сморщил усатую мордень и брезгливо чихнул, словно избавляясь от противного запаха.

– Нет, Атос, не нравится. И раньше не особо нравилось, а теперь вообще разнести это логово хочется к чертовой матери!

«Тогда пошли домой!»

Кот вернулся и, приподнявшись на задних лапах, передними уперся в колени хозяина, внимательно всматриваясь в его глаза.

Павел присел на корточки и, охватив ладонями лобастую голову животного, так же пристально вгляделся в янтарную глубину:

– Атос, я должен спасти отца! Из-за меня он оказался в лапах этих уродов, я помог, понимаешь?! Не задумываясь особо, зачем Венцеслав им понадобился. И я должен освободить его, причем как можно скорее. А потом мы с ним вместе вернемся домой. А пока, – Павел почесал кота за ушами, – подожди меня здесь, ладно? Я сейчас вернусь.

Атос тут же завалился на бок, вальяжно помахивая хвостом и прикрыв глаза – чего ж сидеть, если можно полежать!

– Ты тут не особо разлеживайся! – усмехнулся Павел, поднимаясь. – Здесь ведь не только я хожу, сюда и местные аборигены порой заглядывают.

Атос опять брезгливо чихнул и вообще закрыл глаза.

– Ой-ой, тоже мне, демонстратор! Обоняние у него, видите ли, хорошее, унюхает, если что! Ты не захрапи только, нюхач! А то пойдешь на корм рептилиям.

На подобные инсинуации кот не счел нужным реагировать, продолжая изображать довольно крупный коврик.

Павел улыбнулся и повернулся к двери, ведущей в жилой блок подземелья. Улыбка и расслабленное выражение глаз мгновенно сменились сосредоточенностью и надменным холодом. Павел еще раз проверил мысленный блок, который он интуитивно выставлял с того момента, когда впервые встретился со своими дальними родственничками.

Блок на свои мысли и эмоции, что очень нервировало Аскольда Викторовича Ламина, одного из главных в подземелье и не менее значимого там, в мире людей – господин Ламин являлся депутатом Государственной думы. А его ближайший помощник Макс Шипунов и в реальности имел корочки помощника депутата. Это открывало перед Ламиным и Шипуновым почти все двери и овевало опахалом депутатской неприкосновенности.

Рептилоиды вообще постарались проникнуть на ведущие посты во всех ключевых точках человеческого общества, чтобы влиять на жизнь людей, направляя их в нужное русло. И подготавливая почву для ассимиляции…

Но, разумеется, депутатами и олигархами могли становиться только самые сильные, способные наводить морок одновременно на большое количество людей. А небольшое количество нужных людей временно превращать в послушных марионеток, причем после снятия воздействия люди ничего не помнили.

К счастью для человечества, таких сильных особей у рептилоидов было совсем мало. Их вообще осталось немного, раса вымирала. И единственным спасением для них была ассимиляция с людьми.

Поэтому Павел стал для них символом спасения.

А когда Ламин понял, что этот гибрид обладает ментальной мощью, на порядок превосходящей способности самого сильного из них, он приложил максимум усилий, чтобы сделать Павла своим, искренне презирающим убогих людишек, рептилоидом.

И ведь почти получилось! Хотя Аскольда Викторовича серьезно напрягала невозможность заглянуть в голову подопечного, настроиться на его эмоции, понять, что он думает и чувствует на самом деле.

Но зато удалось сформировать новую личность, и, судя по поведению и поступкам, эта новая личность отлично прижилась в потерявшем память гибриде.

Так что пусть себе блокируется, он все равно наш!

Павел вытащил из кармана магнитную карточку-ключ, открыл дверь и вошел внутрь.

Спасибо местному эскулапу, физически Павел чувствовал себя превосходно, хотя после операции по захвату Венцеслава ему было ох как худо! И не только потому, что пришлось ломать защиту очень сильных менталистов, нанятых, как он теперь понимал, начальником службы безопасности отца, Александром Дворкиным.

Сашей. Его другом. Которого он едва не убил…

Но не смог. И теперь Павел вспомнил, что там, во время захвата, он подсознательно не позволил и Максу стрелять в Дворкина, остановил его.

А потом из машины выбежала Моника. И позвала его, использовав то имя, под которым он с ней познакомился в одной из виртуальных социальных сетей.

Арлекино.

И именно в тот момент – Павел теперь точно знал – впервые его новая личина дала трещину. Но ему сделали инъекцию в шею, и он отрубился.

А потом, уже здесь, в подземелье, его физическим и ментальным восстановлением занялся его лечащий врач. А Ламин, торчавший там, упомянул о какой-то сыворотке…

Вот чем они его накачивали! Что заставляло его впитывать ложную информацию и блокировало собственные воспоминания!

Ну что же, теперь у них вряд ли получится вводить ему «травяной бодрящий коктейль, созданный по рецептуре предков». Так, кажется, Аскольд Викторович назвал сыворотку, когда подопечный заинтересовался ею.

Павел кивал проходящим мимо рептилоидам, отвечая на их приветствия, и больше всего на свете сейчас желал одного – не встретить никого из тех, с кем общался относительно близко, с кем приятельствовал.

А главное – не встретить Ламина.

Потому что сейчас ему было бы очень трудно удержать свои мысли и эмоции внутри сознания. Там крутился бешеный торнадо, и Павлу требовалось время, чтобы утихомирить его, навести порядок, разложить все по местам, осмыслить и выработать правильную, естественную линию поведения.

Чтобы спасти отца.

Вселенная услышала его отчаянное желание и не послала навстречу никого из приятелей. Павлу удалось спокойно добраться до своей комнаты.

Впрочем, комнатой это помещение назвать было нельзя, оно больше напоминало отсек космического корабля, каким его изображают в кино.

Тесно, мало пространства, но все очень продуманно и эргономично. Даже душевая имелась. И санузел.

Вернее, санузелок.

Павел подбежал к столу и лихорадочно закопошился в его ящиках. Так, что же тут подойдет для задуманного? Чтобы надежно было, чтобы Атос донес, не потерял.

Ага. Скотч и степлер. Отлично!

Павел аккуратно отрезал тонкую полоску бумаги, написал на ней несколько слов, приклеил полоску на широкий скотч, завернул ее таким образом, что получился плотный прозрачный ошейник нужной длины, выкинул обрезки и, спрятав ошейник и степлер в карман, торопливо вышел.

На обратном пути тоже повезло – никого из знакомых. Правда, камеры видеонаблюдения фискально таращились на него стеклянными глазами, но мало ли зачем он решил вернуться! Забыл что-нибудь, предположим, в медблоке.

Судя по безмятежной позе кота, за это время никто из рептилий его не побеспокоил. Павел присел перед оживившимся питомцем, приладил на него ошейник, скрепил концы степлером и, подхватив Атоса на руки, поцеловал в покрытый шрамами лоб:

– Все, дружище, теперь иди. И поосторожнее там, письмо не потеряй!

Кот боднул любимого хозяина, гибко спрыгнул с рук и бесшумно скользнул в темноту тоннеля.

Глава 3

– Что-то ты долго восстанавливаешься, – Аскольд Викторович Ламин недовольно поморщился, наблюдая, как его помощник, Макс Шипунов, ковыляет по беговой дорожке.

Хотя сейчас ее следовало бы назвать ходовой дорожкой. Причем даже не для спортивной, бодренькой такой ходьбы с зазывно виляющим задом, а для пенсионерской, неспешной, размеренной.

Но даже такой ритм Макса очень утомлял, это было видно – он тяжело дышал и периодически кривился от боли, припадая на больную ногу все сильнее.

– Павел наш уже бодрым муфлоном скачет, а ты все никак! – Ламин слез с велотренажера и подошел поближе к помощнику, своей правой руке, так сказать.

Очень длинной, тощей и уродливой, с точки зрения человека, руке – безволосый череп Макса имел приплюснутую сверху форму, бровей и ресниц не имелось, глаза прятались довольно глубоко, губ почти не было. Нос был, но какой-то невразумительный, малозаметный.

Да и кожа гладкостью не отличалась, микрочешуйки делали ее больной и неприятной на вид.

Но Макс вовсе не был самым уродливым, среди рептилоидов он скорее считался красавчиком – самочки с удовольствием проводили с ним время.

А сам Макс был зациклен на представительницах человеческого прекрасного пола, и поэтому его маскировка была одной из лучших: несколько видов париков с разными прическами и цветом волос, разнообразные бородки, усики, брови и даже ресницы.

И результат, как правило, в целом получался неплохой. Уже не такой урод, как на самом деле, а вполне презентабельный и ухоженный мужчина. Костюмы, сшитые на заказ, и дорогая брендовая обувь, не говоря уже о таких мелочах, как часы, цепочки, зажимы для галстуков, перстни – в общем, помощник депутата Государственной думы Макс Шипунов пользовался успехом и у человеческих дам. Правда, определенного сорта дам, падких на внешние признаки достатка. И готовых не обращать внимания на неприятную, шероховатую на ощупь кожу любовника.

Сначала Макса вполне устраивали такие подружки, с ними было легко завязать отношения, но и так же легко расстаться – прощальный подарок мгновенно осушал слезы. Но постепенно ему захотелось чего-то большего, настоящих чувств, что ли. Чтобы его любили не за усыпанные бриллиантами часы и дорогую машину, а просто так. Причем без грима, вот такого, какой он есть.

Но об этом и речи быть не могло, Макс даже не пытался.

Пока не появился Павел. У которого была Моника. Не какая-нибудь дурнушка, имеющая, мягко говоря, сложности с выбором кавалеров, нет. Моника обладала внешностью кинозвезды: длинные каштановые волосы, большие карие глаза, точеная фигурка и – в качестве невиданного бонуса – умница, добрая, искренняя, чистая и нежная.

Немудрено, что на нее положил глаз душка Гизмо, он же Сигизмунд Кульчицкий, на тот момент считавшийся единственным сыном и наследником Венцеслава. Красавчик и баловень, завсегдатай светских тусовок. А на самом деле – жестокий садист и убийца.

Которого смог остановить только Павел, когда узнал, что именно Гизмо похитил его Монику…

Макс отчаянно, до темноты в глазах, завидовал этому обезьяньему выродку, над которым так трясся Ламин. Разумом Шипунов понимал, что этот выродок действительно символизирует угасшую было надежду расы на ассимиляцию, на сохранение. На то, что теперь рептилоиды не вымрут. Надо только досконально изучить родителей Павла, превратив их в

подопытных животных. Поэкспериментировать с ними, провести ряд опытов с эмбрионами, созданными из их клеток, из яйцеклеток самки рептилоида, оплодотворенных биологическим материалом Венцеслава, и наоборот – яйцеклетки Магдалены и биоматериала рептилоида. Работы предстояло много, интересной и перспективной.

И изучение самого Павла, его невероятной способности к регенерации, намного превосходящей такую же у рептилий. И его ментальные способности, тоже внушающие уважение, если не трепет.

Сейчас, после того как Павлу с помощью специальных препаратов и гипноза вживили другую личность, он стал настоящим рептилоидом по духу, своим парнем. Ламин от счастья чуть ли не из штанов выпрыгивал, остальные рептилоиды тоже радовались и старались подружиться с Павлом, самки изо всех сил пытались соблазнить гибрида – он ведь был таким красивым, реально красивым!

Потому что обладал атлетическим, правильным, пропорциональным телосложением, а еще – четкими, мужественными чертами лица. И глаза его не прятались под надбровными дугами, а прямо и открыто смотрели на мир. И губы имели красивую форму.

Правда, в глазах людишек Павел все равно выглядел жутким уродом, монстром. Из-за кожи, покрытой мягкой, почти незаметной чешуей зеленоватого оттенка, из-за лишенной какой бы то ни было растительности головы – ни волос, ни бровей, ни ресниц. И ушные раковины тоже отсутствовали.

Страшилище, в общем, которого родная мать до сих пор видеть не хочет!

И вот это страшилище смогла полюбить такая девушка, как Моника! Мало того, что умница-красавица, так еще и дочь банкира!

В общем, Макс люто завидовал Павлу. И ненавидел его.

Но тщательно скрывал свои чувства, сумев даже подружиться с этим выродком. Правда, Павел забыл о своей Монике, что очень помогало Максу прятать свою ненависть. Во всяком случае, он надеялся, что прячет, потому что до конца всех возможностей Павла не знал никто.

Кроме самого Павла, конечно.

Но он держался вполне дружелюбно, внешне, во всяком случае. И презирал людишек тоже вполне искренне. В его разум, увы, заглянуть не удавалось, но, раз он помог похитить Венцеслава и сейчас рвался «поговорить по душам» с папенькой, значит, все в порядке.

Но зачем же ставить его постоянно в пример?!!

– Не забывайте, Аскольд Викторович, – сухо процедил Макс, продолжая из последних сил шагать по дорожке, – что Павел восстанавливался ментально, ранения он не получил. В отличие от меня и Стаса. Стас вон вообще еще с кровати не встает!

– Потому что у Стаса ранение было серьезное, задета печень. А у тебя – всего лишь в ногу, причем кость осталась нетронутой. Неделя уже прошла, а ты все ковыляешь!

– Во-первых, не неделя, а шесть дней, а во-вторых, мне доктор вообще категорически запретил перегружать ногу, швы только вчера сняли.

– Чего ж тогда перегружаешь?

– Надоело валяться в постели, да и вы постоянно недовольны, любимчиком своим мне в нос тычете!

– А тебя это напрягает? – усмехнулся Ламин. – Может, ревнуешь?

– Вы не самочка, Аскольд Викторович, чтобы я вас ревновал. А насчет вашего отношения к гибриду – да, меня напрягает ваша излишняя восторженность. Вы абсолютно уверены в Павле, а он, между прочим, едва не начал вспоминать. Когда увидел ту свою девку. Хорошо, что я прихватил с собой сыворотку.

– Да, девица нам чуть всю операцию не провалила, – поморщился Ламин. – И откуда она вообще там взялась? Зачем Венцеслав ее взял с собой?

– Это уже неважно – откуда, зачем.

– А что важно?

– А то, что эта… как ее… Моника – она представляет собой реальную угрозу нашему плану. Что будет, если Павел снова с ней встретится?

– Мы не допустим их встречи.

– Каким образом? Всего, как видите, предусмотреть невозможно. К тому же – может, мне и показалось – но Павел там, в лесу, действовал… как бы это сформулировать…

– Да уж постарайся, – нахмурился Ламин.

– Словно у него произошло раздвоение личности. Одна была на нашей стороне, а вторая – против. Я почти уверен, что именно Павел не позволил мне пристрелить Дворкина.

– Аргументируй.

– Никто из команды человеческих менталистов не мог видеть упавшего возле машины Дворкина, его скрывал корпус джипа. А Павел – видел. И я не смог пристрелить одну из наших главных проблем.

– Не уверен, что ты прав, но с доктором нашим поговорю, – задумчиво произнес Ламин. – И эта его оговорка, когда он в себя пришел…

– Какая?

– Он сказал «мама Марфа», а не «мама Магда». То есть назвал имя той, кто его реально вырастила и заменила ему мать. Подсознательно назвал, причем даже не заметил этого.

– Ну вот, видите? Раздвоение!

– Ладно, примем меры.

И Ламин направился к выходу из тренажерного зала.

– Так что насчет этой девицы, Моники? – крикнул ему вслед Макс.

– Займись ею.

– С удовольствием.

Глава 4

– Боюсь, что удовольствия ты получишь мало, – усмехнулся Ламин, остановившись в дверях. – Ты не забыл, что эта девица – одна из двух оставшихся у следствия свидетельниц в деле Сигизмунда Кульчицкого? И теперь, после нападения и похищения Венцеслава, Дворкин усилит меры безопасности. Может, стоит ею заняться после суда?

– Кстати, о суде. – Макс, тяжело дыша, выключил дорожку и остановился. – Вы собираетесь выполнять обещание, данное Магдалене Кульчицкой? Она ведь сотрудничает с нами только ради этого своего приемного сыночка, Гизмо. Которого вы пообещали вытащить из тюрьмы официально, оправдав по суду.

– Мало ли, что я обещал, – отмахнулся Аскольд Викторович. – Слово, данное обезьяне, можно забыть. Магдалена уже сделала для нас все, что могла, на данный момент от нее нужна не помощь, а польза. Физического плана, так сказать.

– Вы имеет в виду эксперименты и опыты?

– Именно их я и имею в виду. А для этого нам вовсе не требуется согласие Магдалены или ее добровольное участие.

– А как же Павел? Он ведь обожает «маму Магду», преклоняется перед ней за то, – Шипунов нарочито пафосно завыл, – что она не послушала своего бессердечного мужа, велевшего убить несчастного уродца, дабы этот генетический мусор не позорил старинный род Кульчицких! Венцеслав заменил родного сына ребенком няньки Марфы, а змееныша приказал придушить по-тихому! Но мужественная Магдалена не смогла этого допустить и, рискуя всем, спасла малыша и вырастила его умным, сильным, честным! И Павел не позволит кому бы то ни было обидеть его матушку!

– Хватит паясничать, – поморщился Ламин. – Мы просто скажем Павлу, что Дворкин взял Магдалену в заложницы и требует обменять ее на Венцеслава, обещая в противном случае убить Магду. Наш парень взбесится еще больше, людишек ненавидеть станет еще сильнее, что нам только на пользу. А мы тем временем отправим его биологическую маменьку – вместе с папенькой – на опыты. И если даже Павел выйдет из-под контроля, я уверен, что к тому времени у нас уже будет несколько новых жизнеспособных гибридов. Кстати, я собираюсь познакомить Павла с моей дочерью, Ксенией. А вдруг у него получится естественным путем произвести на свет смешанное потомство?

– Встречное предложение, – глаза Шипунова плотоядно вспыхнули, – могу я задаться той же целью, но с Моникой?

– И что ж тебе так покоя не дает Павел? – покачал головой Аскольд Викторович. – Теперь ты хочешь заполучить его девушку. Комплексы, что ли?

– Ну почему сразу комплексы? Моника – прекрасный экземпляр человеческой самки, ее все равно надо устранять, так почему не сделать это с пользой?

– Ладно, не суетись. Хочешь отыметь самку Павла – имей. В конце концов, это действительно для пользы дела. Но где ты собираешься ее держать? Здесь, в подземелье, нельзя – Павел может ее засечь ментально.

– Вряд ли. Наш город слишком велик даже для него. А камень стен и потолков надежно блокирует мысленную энергию уже в радиусе десяти метров. Так что ничего и никого Павел не засечет.

– Нет.

– Что – нет?

– Сюда везти Монику нельзя.

– А как же Магдалена? – прищурился Макс. – Вы ведь собираетесь привезти ее именно сюда? Павел точно так же засечет «матушку», как мог бы засечь Монику.

– Нет, не точно так же. Магдалена по отношению к своему родному сыну не испытывает ничего, кроме отвращения и ненависти. И даже если Павел каким-то образом «услышит» эту женщину, ему и в голову не придет, что это его мать. Так, какая-то человеческая самка, ненавидящая рептилоидов.

– Ну, не думаю, что Моника здесь будет на седьмом небе от счастья, – похотливо облизнулся Шипунов. – Я, конечно, буду стараться, очень стараться удовлетворить эту самку, но вы же понимаете… Так что ненависть к рептилоидам и в данном случае будет присутствовать, увы и ах! А вот насчет ее любви к нашему гибриду – от нее, от любви этой, мало что останется. Я гарантирую.

– Я вижу, тебе просто очень хочется делать это в непосредственной близости от Павла, да? – покачал головой Ламин. – Чтобы хотя бы так доказать свое превосходство.

– И вовсе…

– Ладно тебе, Макс, – отмахнулся Аскольд Викторович, открывая дверь. – Я ведь все замечаю. И твою ревность, и твою зависть.

– Ничего подобного!

– Короче, так. Под твою ответственность. Если из-за тебя произойдут серьезные накладки, наказание будет жестким. Имей это в виду.

– Я учту.

Ламин молча вышел, а Макс устало присел на стоявший у двери стул – сердце бешено колотилось, норовя выскочить из груди. И не только из-за физического изнеможения – то, что Ламин, оказывается, заметил его отношение к выродку, стало для Шипунова неприятным сюрпризом.

Потому что это было унизительно!

И ненависть к Павлу теперь буквально распирала рептилоида изнутри, мешала дышать, заставляла трепыхаться сердце. Ее надо было куда-то деть, чтобы не сойти с ума, направить в нужное русло.

Переполненное хитростью, коварством, жестокостью русло.

Он уже знал, куда приведет это русло. К Монике.

Да, она под надежнейшей охраной и защитой, да, добраться до нее практически невозможно. Но именно эти сложности и возбуждали Шипунова.

Решая эту почти непосильную задачу, он не сможет зацикливаться на превосходстве Павла. Да и само это превосходство окажется нивелированным, когда девица, ради которой Павел готов был отдать жизнь, – и едва не отдал, между прочим, – когда красотка Моника окажется в его, Макса, полной власти. И он сможет делать с ней все, что угодно…

В глубине желтых глаз вспыхнул и запульсировал алый отблеск.

Но Ламин, конечно, прав – сейчас, в данный момент, Моника практически недоступна. И гораздо проще было бы дождаться завершения судебного процесса, потом потерпеть еще недельку-другую, чтобы окружение Моники и в первую очередь служба безопасности ее отца окончательно расслабились, и жизнь их вошла в привычное русло. Тогда забрать девчонку будет проще простого.

Но ждать не хотелось. Ждать и терпеть, глядя, как все вокруг метут хвостом перед этим гибридом? Как восхищаются им?! Самому мучительно осознавать превосходство полуобезьяны?!!

Он может не выдержать и сорваться. А это никому не нужно, и в первую очередь – ему, Максу.

Значит, приступим к осуществлению замысла немедленно.

Ну да, физически Макс пока слабоват, рана еще болит. Но голова-то не травмирована, и способность мыслить не утеряна. Вроде бы.

А значит – марш обратно на тренажер и в процессе хоть бы обдумывай варианты решения почти нерешаемой задачи.

Хотя…

Макс снова встал на беговую дорожку и включил самый медленный режим. Мерная ритмичная ходьба помогала выстраивать логические цепочки.

С одной стороны, охрана Моники Климко и Варвары Ярцевой будет усилена. А с другой – Дворкин не сможет не думать о том, что проворонил своего главного подопечного, Венцеслава. И сосредоточит максимум усилий на поиске и освобождении Кульчицкого.

Это станет – насколько удалось узнать характер Александра Дворкина – его главной задачей, идеей фикс, так сказать.

Что можно будет использовать…

Глава 5

Обратно тоже удалось добраться в спокойном режиме, без ненужных встреч и напряжения сил. Вполне хватало того автоматического блока, который активизировался сразу после включения сознания, а что там происходило во время сна или в бессознательном состоянии – Павел понятия не имел.

Он закрыл дверь своей комнатушки, задвинул небольшой засов, установленный им лично (что, кстати, вызвало определенное беспокойство Ламина) и обессиленно рухнул на кровать.

Напряжение, державшее его в тонусе все это время, ушло, и Павлу казалось, что мышц и костей в его теле больше нет, они превратились в студенистый желатин, не способный не то что находиться в вертикальном положении – форму конечностей сохранять прежней.

Руки и ноги лежали рядом вялыми невразумительными псевдоподиями, но ладно бы физическая усталость – стресс хлестанул по нервам, задавив чувства и эмоции удушливой апатией.

Никаких желаний не было. Вообще никаких. Не хотелось шевелиться, думать, переживать, злиться, рассуждать, строить планы, жить…

Откуда-то издалека, а может, из спутанного клубка воспоминаний, донесся теплый, ласковый голос мамы Марфы: «Ну не переживай ты так, Павлушенька! Все будет хорошо, сынок, тебе просто отдохнуть надо. Ты поспи, мой хороший, и все пройдет».

А так и надо сделать. Сон – лучшее лекарство для вскипевшего разума. Если получится заснуть, конечно.

Павел устало прикрыл глаза, намереваясь начать отсчет медленно бредущих мимо баранов. Но даже первый баран толком добрести до него не успел…

Разбудил его настойчивый стук в дверь, а еще – шепелявые встревоженные завывания:

– Павел! Павел, открой! С тобой все в порядке?! Павел!!!

О, господин депутат явиться изволили, нежданчик наш шипящий. Павел только сейчас обратил внимание на шепелявость и невнятную дикцию Ламина. Впрочем, не только его – все рептилоиды разговаривали так – длинный раздвоенный язык мешал им правильно произносить звуки человеческой речи. А их собственный язык вообще представлял собой сплошное шипение.

Но до сегодняшнего дня Павла это совсем не напрягало. До сегодняшнего дня…

Сейчас же неудержимо захотелось запустить в дверь чем-нибудь тяжелым. Но мало ли чего кому хочется! Тем более что дверь и так еле держится – снаружи, похоже, пытаются выбить ее плечом, причем несколько чело… нет, не человек – особей.

– Хватит дверь ломать! – сипло выкрикнул Павел, поднимаясь. – Сейчас открою!

Понять, сколько он проспал, Павел не мог – голова еще слегка кружилась спросонья. Но в целом чувствовал себя очень даже неплохо – руки и ноги снова стали прежними, сильными, послушными. Как и все тело, впрочем. И соображал он четко и ясно. И эмоции были под контролем, послушно сидя внутри блока.

Вот и славно. Теперь можно и с Ламиным, и с Максом, и со всеми этими чертовыми змеюками плотно общаться, не опасаясь срыва.

Оказалось, что дверь держалась только на засове – замок был открыт снаружи. Что, собственно, Павла совсем не удивило – существовала единая магнитная карточка-ключ, в случае необходимости отпиравшая все двери подземного города рептилий. Именно поэтому он и настоял на дополнительном засове – не хотелось выйти, допустим, из душа голым и обнаружить у себя незваного гостя.

Или, не дай бог, гостью! Павел видел, как на него смотрят змеюки женского пола, но взгляды эти ему совсем не льстили. И не радовали. Павел предпочел бы считаться уродом не для людей, а для этих вот «дамочек» – длинных, несуразно тощих, до нервного озноба напоминающих то ли динозаврих, то ли крокодилиц, то ли анаконд.

У которых от возбуждения раздвоенные языки начинали суетливо метаться между узкими губами…

Павел отодвинул засов, открыл дверь и удивленно присвистнул – в коридоре собрались штук пять рептилоидов с Ламиным во главе. Двое из них потирали плечи и угрюмо смотрели на Павла исподлобья.

– И что здесь происходит? – Павел широко, с подвывом зевнул и сгибом ладони протер глаза. – Зачем вы пытались сломать мою дверь? Она, конечно, не самая красивая – я бы предпочел мореный дуб, а не дешевый пластик, – но в целом меня вполне устраивает. Я даже как-то сроднился с ней.

– Он еще и шутит! – процедил Ламин.

– А откуда столько укоризны в голосе, Аскольд Викторович? Можно подумать, это я вам имущество портил!

– Вот кстати об имуществе – если бы не твой дурацкий засов, ничего не пришлось бы ломать!

– А вам такие понятия, как личная территория и прайвеси, знакомы? Если это комната моя, то и чувствовать себя в ней я должен комфортно, не опасаясь, что в какой-нибудь интимный, скажем, момент ко мне без предупреждения ввалятся непрошеные гости. Так чем обязан столь шумному визиту?

– Тем, что ты пропустил обед и ужин, телефон твой отключен, на стук в дверь ты не реагируешь, на крики – тоже! – Ламин был заметно на взводе. – Что мы еще могли подумать? Только то, что тебе стало плохо, что тебе нужна помощь. Мы перенервничали, а он стоит тут, зевает, возмущается!

– И обед, и ужин? Ничего себе прилег вздремнуть после тренировки! Ну извините, я действительно спал, ничего не слышал.

– Спасибо всем, – обернулся Аскольд Викторович к остальным, – можете идти.

А сам, не спрашивая разрешения, вошел в комнату Павла и, закинув ногу за ногу, уселся на единственный стул.

Когда он так вот делал, Павел всегда ждал, что ноги завяжутся узлом. Но пока такого не случалось, не случилось, увы, и на этот раз.

Павел захлопнул дверь и, повернувшись к Ламину, расстроенно произнес:

– И что теперь делать? И обед, и ужин проспал, а у меня даже холодильника со своими запасами нет! Вот давно ведь просил установить мне хоть маленький рефрижераторчик! Сейчас бы бутерброд какой-нибудь сообразил!

– Во-первых, даже маленький холодильник сюда не поместится, а во-вторых – ты не особо и настаивал, тебя вполне устраивало питание в общей столовой. Насчет ужина не переживай – что-нибудь придумаем. Ты мне лучше скажи, – Ламин пристально вгляделся в заспанное лицо Павла, – что это за странный сон такой? На обморок больше похожий?

– Понятия не имею, – пожал плечами Павел. – Но чувствую себя превосходно, никакой слабости, наоборот – энергии внутри столько, что не знаю, что ночью делать буду. Я бы снова в тренажерку сходил, но на голодный желудок толку не будет.

– Завтра с утра покажись своему врачу, я тоже постараюсь подойти. Пусть все анализы сделает, обследует…

– Да не надо ничего, надоели мне бесконечные обследования! Говорю же – чувствую себя отлично!

– Надо, надо! Твое здоровье сейчас – одна из главных наших забот. Но это завтра, а сегодня… погоди минутку, – Ламин вытащил мобильный телефон, набрал номер и коротко произнес: – Я сегодня с гостем буду, имей в виду. – Нажал кнопку отбоя и повернулся к Павлу: – Собирайся.

– В смысле – собирайся?

– Ну, душ прими, чтобы проснуться, переоденься. Я тебя приглашаю отужинать вместе с моей семьей. С женой тебя познакомлю, с дочерью.

Этого еще не хватало!

– Ну что вы, зачем? Неудобно как-то…

– Удобно, удобно. Не могу же я тебя голодным оставить!

– Да ничего страшного, я в кухню схожу, там повара до ночи остаются. Попрошу у них что-нибудь из остатков.

– Еще чего не хватало – объедками питаться! Все-все, вопрос решенный. Я пойду, водителя предупрежу, а ты пока собирайся.

– Водителя? А разве вы живете не здесь?

– Я живу и здесь, и там. Но там – чаще. Я ведь не обычный член нашего общества, верно? И имею право жить лучше остальных. Ладно, все вопросы – по пути. На сборы тебе десять минут.

Глава 6

Ламин как-то странно, испытующе, посмотрел на Павла и вышел. Взгляд был мимолетным, недолгим, но очень… острым, что ли? Словно узкий щуп попытался ввинтиться через глаза внутрь черепной коробки, дотянуться до самых дальних, потаенных уголков сознания, отыскать там все, что спрятано.

Но щуп опять наткнулся на прозрачную, но абсолютно непроницаемую броню блока. Однако царапнул ощутимо – Аскольд Викторович явно был озабочен.

И не столько странным сном своего любимчика, сколько будущим визитом. Похоже, приглашение прозвучало экспромтом, и только потом господин депутат сообразил, что собирается вывезти Павла из подземелья не на боевую операцию, когда рядом с подопечным находилось достаточное количество соплеменников, а просто так, в гости.

А вдруг сбежит? Хотя не должен, конечно, парень вроде до конца ощутил себя рептилоидом, открестившись от людишек. Отца вон без тени сомнения помог выкрасть. И мать обожает, ждет с ней встречи, а встречу можем организовать только мы…

Павел с удивлением обнаружил, что эти мысли словно бы стали на мгновение его собственными, но по мере удаления Ламина размывались, делаясь нечеткими и обрывочными. Раньше такого не было, для проникновения в чужой разум Павлу требовалось настроиться, серьезно напрячься.

А теперь – раз, и готово! Непринужденно, автоматически. Или это из-за попытки господина депутата проникнуть в его, Павла, сознание? Открыл канал?

Любопытно. Похоже, свои собственные возможности он и сам до конца еще не изучил. И вполне вероятно, что благодаря усилиям рептилоидов эти самые способности совершенствуются.

Но не так, как хотелось бы змеюкам.

Ладно, этим займемся позже, а сейчас надо подготовиться к визиту в семейное логово Ламиных. Дочка, значит? И почему мне кажется, что приглашение в гости вызвано вовсе не желанием вкусно накормить проспавшего ужин подопечного?

Ну-ну, посмотрим.

Сосредоточившись на предстоящем испытании «семейным очагом» рептилоидов, Павел совершенно забыл о том, что сейчас выйдет из подземелья. Выйдет прежним, все вспомнившим, и в первую очередь – вспомнившим Монику.

И никто не сможет удержать его, если он захочет уйти.

Павел осознал это, когда вышел вместе с Ламиным на улицу. Вернее, в закрытый двор, огороженный высоким забором, внутри которого находился автопарк рептилоидов, а также станция техобслуживания.

Конец августа выдался теплым, но по вечерам уже веяло прохладой. И свободой…

Павел подставил лицо легкому ветерку и закрыл глаза, наслаждаясь невозможными в кондиционированном воздухе подземелья ощущениями. Да, московский воздух свежим назвать мог только законченный оптимист, но по сравнению с мертвым воздухом подземелья он казался горным…

– Хорошо-то как! – Павел с хрустом потянулся. – Не понимаю, как можно всю жизнь торчать под землей, когда наверху так здорово!

– Приходится, – сухо ответил Ламин. – Не по своей же воле, ты понимаешь.

– Да, людишки, – Павел старательно посуровел и даже катнул желваки по скулам. – Из-за них все беды. Ничего, скоро мы выйдем на волю!

– С твоей помощью.

– Я буду стараться ускорить этот момент.

– Очень на это надеюсь. Ладно, садись в машину, нам пора ехать, – Ламин указал на черный «БМВ» последней модели с тонированными стеклами.

– Куда садиться – вперед или на заднее сиденье?

– А куда хочешь.

– Тогда я впереди, с вашего позволения, хоть на Москву посмотрю. Я ведь толком города и не видел.

– Давай-давай.

Павел с удовольствием плюхнулся на кожаное сиденье рядом с водителем. Собственно, кроме водителя, в машине никого больше не было.

– А вы разве без охраны ездите, Аскольд Викторович?

– Когда как. Обычно со мной Макс ездит…

– Кстати, как он?

– Неплохо. Восстанавливается после ранения, в тренажерном зале часами торчит.

– Молодец! А он что у вас, заодно и функции охраны выполнял?

– Да что тебя так замкнуло на этой охране? – усмехнулся Ламин. – По сути, она мне не особо и нужна, с парой-тройкой людишек я легко управлюсь сам, силой мысли, так сказать. А сейчас, в случае чего, ты мне поможешь.

– Точно! Я просто не сообразил как-то. Помогу, конечно.

– Вот и славно. Василий, домой!

Металлические ворота плавно поехали в стороны, и «БМВ» выехал на улицу.

На шумную, заполненную людьми и автомобилями улицу…

В прошлый раз, когда Павел вместе с остальными ехал за город, чтобы похитить отца, он толком и не видел ничего – в микроавтобусе его посадили не возле окна, а в середине тройного сиденья, по бокам втиснулись Макс и Стас. К тому же окошки были зашторены.

А теперь Павел едва не задохнулся от открывшегося ему вида мегаполиса. Он ведь действительно по-настоящему город и не видел, только на картинках. А так вся его жизнь прошла в лесу и окрестностях поместья Кульчицких. Потом – частная клиника, вертолет, спелеолечебница, которой Павел, в общем-то, и не помнил, и теперь – подземелье рептилоидов.

К внешнему облику которых Павел так и не смог привыкнуть, его по-прежнему воротило от большого скопления длинных, тощих, шепелявых уродцев.

И теперь все люди, попадавшиеся по пути, казались необыкновенно красивыми, даже бомжи. А широкие, заполненные автомобилями улицы, высоченные дома, яркие витрины – от всего этого закружилась голова. И невыносимо захотелось остановить машину, вырваться из душного салона туда, к людям, к друзьям, к Монике…

Но самое главное, самое обидное, самое невыносимое – он МОГ это сделать! Легко и непринужденно, ни Ламин, ни этот его водила не смогли бы помешать.

Мог и… не мог.

Потому что где-то в подземелье находился его отец, Венцеслав Кульчицкий. Принявший и признавший его с ходу, безоговорочно, что стало большим шоком для всех, кто знал «повернутость» Венцеслава на чистоте рода, правильной генетике и прочей ерунде.

Но отец не колебался ни секунды. И потом все делал для того, чтобы побыстрее ввести сына в нормальную жизнь. Документы, права на наследство, лучшие врачи…

Но самое главное – искренняя, теплая привязанность к сыну, которую Павел очень хорошо «слышал».

В отличие от холодного отвращения и брезгливости, излучаемых маменькой. Поэтому Магдалена и общалась с ним только через скайп, а он-то, дурак…

Интересно, а как змеюки собирались организовать встречу в реальности с Магдой? Обещанную со дня на день? Ладно, поживем – увидим.

В общем, не мог Павел уйти, не мог. Сначала следовало отыскать и вывести на волю отца, а потом уже все вместе подумаем, что делать с расой змеюк, окопавшихся в заброшенном метро.

– О чем задумался, Павел? Ты как-то странно затих.

– Скорее, засмотрелся, Аскольд Викторович. Я же говорил вам – я никогда раньше не был в Москве. И теперь даже голова кружится от увиденного.

– Нравится?

– Не то слово!

– Ничего, скоро мы станем полноправными членами общества, а потом и доминирующей расой, подчинив себе людишек. Вернее, не столько мы, сколько такие, как ты. Кстати, а ты молодец, прошел испытание.

– Какое еще испытание? – совершенно искренне удивился Павел.

– Негласное. У меня ведь в машине установлены индикаторы ментального воздействия, которые четко реагируют на малейшую попытку применить силу.

– В смысле? Зачем мне применять силу?

– Ну, если бы ты вдруг решил сбежать, к примеру.

– Сбежать? – Павел криво усмехнулся, через зеркало заднего вида поймав испытующий взгляд Ламина. – И куда, интересно? Но самое главное – зачем? Чтобы стать пугалом для людишек? Чтобы они меня в какую-нибудь клинику для опытов забрали?

– Это да, это печальная действительность. Но ничего, скоро все изменится.

– Не может не измениться!

Глава 7

Семейное гнездо Ламиных… нет, учитывая биологический вид хозяев, более подходящим названием будет «логово». Ну, или нора.

Все же логово. Потому что роскошный коттедж, расположенный в элитном, тщательно охраняемом поселке по Новорижскому шоссе, норой назвать можно было с большим натягом.

Огороженный высоким, отделанным вставками из необработанного камня забором, трехэтажный «домишко» господина депутата казался особенно огромным по сравнению с теснотой подземелья. И вряд ли обитающие в крохотных каменных мешках рядовые рептилоиды пришли бы в восторг, увидев, как живут отдельные представители их племени.

Но они не увидят – кто же им позволит! А те, кто работал в доме Ламина – персонал, как успел заметить Павел, пока автомобиль медленно въезжал в ворота и катил к гаражу, был набран исключительно из своих, – тоже никому не расскажут. Потому что не захотят возвращаться под землю в тесноту.

А сейчас они все жили здесь же, в отдельно стоящем домике для прислуги. В комнатах которых имелись как минимум окна. Да и по площади, скорее всего, эти комнаты все же были побольше подземных коробок.

Так что за такое место работы рептилии будут держаться когтями, зубами и языком, если понадобится.

Поэтому, вероятно, участок перед домом Ламина выглядел идеально: чистота, порядок, над ландшафтным дизайном потрудился очень талантливый специалист, все ухоженно и красиво.

– Ну, вот мы и дома, – улыбнулся Аскольд Викторович, когда автомобиль остановился у въезда в гараж. – Милости прошу к нашему шалашу.

– Ну да, ну да, – усмехнулся Павел, выбираясь из машины и осматриваясь, – шалашик вы себе сложили неслабый.

– Допустим, по сравнению с твоим родовым поместьем это действительно шалашик, да и деревни крепостных у меня нет…

– А эти, – Павел кивнул на охранников и садовника, с любопытством рассматривавших хозяйского гостя, – разве не крепостные?

– Это – нанятые работники, они в любой момент могут уволиться.

– Ага, и вернуться в крысиные норы!

– Не надо так называть наш город, – поморщился Ламин.

– Ну почему же? Зачем приукрашивать действительность? Чтобы мириться с ней и дальше? Крысиные норы – они и есть крысиные норы. И ради того, чтобы выйти наружу, перестать прятаться, жить свободно и спокойно, дышать свежим воздухом, мне кажется, мы должны не сидеть на задницах, а действовать!

– Ну-ну, разбушевался! – Ламин одобрительно похлопал Павла по плечу. – Прямо революционер, мартышкин Че Гевара! Но мне больше всего нравится твое «мы» по отношению к нашему народу.

– А как же иначе? Мы – это мы, а они – это они. Людишки. Обезьяны.

Главное, не переусердствовать с пафосом и огнем в глазах. Но пока вроде все получается естественно, господин депутат настроен более чем благодушно. И мыслит позитивно.

– Ну, пойдем в дом, посмотрим, что там моя женушка на ужин приготовила.

– А она разве сама готовит? Кухарки у вас нет?

– Есть, конечно, но моя Сесилия предпочитает сама становиться у плиты, когда я ужинаю дома. О, а вот, кстати, и она!

Павел едва удержал на лице попытавшееся зловредно сбежать вежливо-приветливое выражение лица, увидев вышедшую на крыльцо хозяйку дома.

Ну да, реакция на имя этой змеюки у него подростковая, с легкой примесью дебильного «гы-гы», но это, скорее всего, от полного несоответствия внешности дамочки ее имени.

Вернее, с тем самым подростковым вариантом, Сисилией. Потому как с этим у всех самок рептилоидов дела обстояли неважнецки. Там не то что пышных форм, там вообще никаких форм не наблюдалось, так, пара несчастных кочек.

И Сесилия Ламина в этом смысле ничем не отличалась от остальных особей женского пола. Да и во всех остальных смыслах тоже: высокая, тонкая, узкогубая, с приплюснутым черепом.

Правда, дама, как и большинство остальных самок рептилоидов, постоянно носила парик, клеила ресницы и вытатуировала брови. И с помощью макияжа и правильно нанесенного тона сделала свое лицо более человеческим. Пусть и некрасивым, но человеческим.

И в целом смотрелась, в общем-то, гармонично. Может, потому, что парик ее – роскошные длинные волосы золотистого оттенка – был явно натуральным.

– Познакомься, дорогая, это – Павел. Он сегодня пропустил обед и ужин, и я решил пригласить его к нам.

– Добрый вечер, госпожа Ламина, – Павел галантно поклонился и поцеловал лапку хозяйки, мысленно пнув в копчик сравнение с жабьей лапой – он жаб не целовал, к счастью, так что сравнение неуместно. – Надеюсь, мой визит не стал неприятной неожиданностью?

– Ну что вы, Павел! – улыбнулась Сесилия. – Наоборот, я очень рада! Мы с Ксенией давно просили Аскольда познакомить нас с вами. С нашим лучиком надежды!

Не ржать, скотина, не ржать!

– Надеюсь, вам понравится ужин! – продолжала между тем щебетать – если бывают, конечно, шепелявые птички – госпожа Ламина. – Идемте же в дом, чего мы на пороге стоим! Я вас с дочерью познакомлю!

Собственно, для этого и приволокли, понимаю. Ну что же, Павел, приготовься. Не забывай, что сам Ламин обладает серьезными ментальными способностями, что и помогло ему стать депутатом. И вполне возможна передача этих способностей по наследству.

А, собственно, чего напрягаться? Как раз бурный восторг и восхищенное закатывание глаз при виде Ксении Ламиной выглядели бы неестественными. Потому что и сами рептилоиды прекрасно понимают – красавцами их не назовешь. При всей их высокомерной нелюбви к «людишкам» не признать внешнее превосходство этой расы мог только безумный фанатик. Поэтому и тянуло змеюк к человеческому противоположному полу, и старательно гримировались они не столько в целях маскировки, сколько из желания выглядеть более привлекательно.

И Ксения Ламина тоже явно потратила много сил на приукрашивание действительности. Но действительность была уж слишком печальна, замаскировать ее оказалось сложно. Да что там сложно – практически невозможно.

Каким-то невероятным образом конкретно этот детеныш-змееныш получился в два раза гаже, чем родители. Павел уже научился более-менее различать казавшиеся поначалу одинаковыми лица рептилий. И у них, как и у представителей любой расы, были образцовые экземпляры, по их стандартам – красавцы, середняки с обычной внешностью и страшилки. Причем страшилок было откровенно больше – явный признак вырождения. А пластические операции по исправлению недостатков внешности у рептилоидов не проводились, эта отрасль медицины считалась бесполезной. Из-за малочисленности народа даже самому уродливому змею найдется пара. Но, как и у людей, красивые (по их стандартам) предпочитали красивых. Или хотя бы середнячков.

Сам Ламин был классическим середнячком. Его жена в молодости явно считалась красавицей. А их дочь почему-то получилась…

Скорее, не получилась. Ни дорогущий парик из роскошных иссиня-черных вьющихся волос, ни макияж, ни наклеенные брови с ресницами не могли скрыть уродства девушки.

И, как Павел ни готовился к встрече, как ни настраивался на вежливо-приветливую реакцию, как ни бетонировал мысленный блок, подсознание при виде поднявшейся с дивана Ксении Ламиной взвизгнуло от ужаса и зажмурилось. Внешне это никак не проявилось, Павел не визжал, не шарахался, не жмурился, он даже не вздрогнул.

Улыбнулся, кивнул, поздоровался, сказал пару дежурных фраз о приятности знакомства.

Подошел поближе, чтобы так же галантно поцеловать лапку дочери, как он только что проделал это с лапкой матери. Наклонился, чтобы взять за руку. И невольно заглянул в глаза девушки.

Зеленовато-желтые, без маскировочных линз глаза с вертикальными зрачками.

И на долю секунды замер, прикипев взглядом к этим глазам.

Все понимающим, видящим насквозь, переполненным болью и смирением глазам…

Глава 8

Она знала!

Ксения Ламина услышала истерический визг его подсознания, ощутила всколыхнувшуюся внутри Павла волну гадливости. Нет, мысли его она вряд ли прочитала, блок работал надежно.

Но вот эмоции, ощущения – прочитала…

И приняла их с привычным смирением. Именно смирением – это почти забытое, практически неупотребляемое в современной реальности слово моментально вынырнуло из глубины памяти Павла, стоило только заглянуть в глаза этой девушки.

Да, девушки, называть Ксению самкой рептилоида у Павла почему-то уже не получалось, даже мысленно. Может, из-за того, что ее глаза, так отличающиеся от человеческих, напомнили глаза монахинь из православных монастырей, виденные Павлом в документальных фильмах и репортажах.

Собственно, не сами глаза, а выражение этих глаз. И то самое смирение.

А еще в душе Ксении Ламиной не было даже намека на злобу, ожесточенность, зависть и прочие, ставшие уже привычными для Павла, эмоции рептилоидов.

Что было вдвойне странно – мало того, что девушка уродилась безобразной, что уже должно было ожесточить ее, так ведь и социальный статус не мог не наложить отпечаток на характер Ксении Ламиной, представительницы «золотой молодежи» рептилоидов.

Дочь депутата Государственной думы, жившая не в подземелье, а в роскошном коттедже, дышавшая свежим воздухом, плававшая в бассейне, имевшая доступ к деликатесам, хорошему вину, брендовой одежде, отборнейшим самцам рода человеческого, продающимся за деньги, – Ксения Ламина по определению должна была вырасти классической стервой, капризной и избалованной.

Но ничего такого Павел не почувствовал за те несколько мгновений, что смотрел сквозь зеленовато-желтые глаза в душу девушки.

А вот его искреннее приятное удивление, похоже, проскользнуло сквозь ментальный блок, и хозяин дома его услышал. Да и хозяйка, судя по многозначительному взгляду, которым она обменялась с супругом, тоже уловила эмоции гостя.

Значит, и она обладала ментальной силой. Немудрено, что их дочь получила удвоенный набор способностей. В компенсацию за внешнее уродство, наверное. И кстати, вполне могла гипнотизировать собеседника или понравившегося парня, становясь в его глазах писаной красавицей.

Но Павел был почти уверен, что Ксения никогда ничего подобного не делала.

– Ну, что вы там застыли? – улыбнулась Сесилия. – Пора за стол, ужин стынет.

– А где у вас можно руки помыть?

– Ох, простите, Павел, сразу не сообразила! Ну что за хозяйка такая бестолковая!

– Сесилия, не кокетничайте, вы превосходная хозяйка, ваш дом говорит об этом за вас. Да нет, он буквально кричит и дизайном, и уютом, и чистотой.

– Ну что вы, Павел! – смущенно взмахнула рукой Сесилия. – Вы меня буквально в краску вогнали! Между прочим, дизайном занималась Ксения, это ее профессия.

– А где вы учились, Ксения? – вежливо поинтересовался Павел.

– В Швейцарии, в…

– Мама, а можно я сама буду за себя отвечать?

– Да-да, прости, Ксюнечка. Проводи нашего гостя, покажи ему, где можно руки помыть. Павел, не задерживайтесь, мы вас ждем!

– Мама, мне кажется, наш гость не должен заблудиться, поскольку нужное ему помещение находится вон там, за углом, первая дверь налево.

– Ксю, это невежливо!

– Мамочка, я просто не хочу смущать Павла излишней опекой. Ему ведь не три годика, верно? Павел, вы ведь взрослый мальчик?

– Надеюсь, что да.

– Мне тоже так показалось.

Аскольд Викторович с одобрением наблюдал за дочерью, Павел уловил торжествующие нотки в эмоциях господина депутата. Ладно, это даже к лучшему, Ламин расслабится и будет ему больше доверять.

А вот с Ксений надо быть осторожнее. Не так уж она и смиренна, как показалось вначале. На язычок остра, умна, сильна. Внутренне сильна.

То, что он увидел в ее глазах, было реакцией на услышанные девушкой эмоции гостя. Она научилась принимать их, смирилась…

Но в остальном – явно ни о каком смирении и речи не идет.

Да, он не смог уловить в ней привычного рептилоидного негатива, но это вовсе не значит, что в присутствии Ксении Ламиной ему можно расслабляться и не контролировать свои мысли и эмоции. Скорее наоборот – максимум сосредоточенности и контроля, усилить ментальный блок.

Потому что вполне вероятно наличие двойного дна. Первое – ровное, без подводных камней, позитивное, показывающее смирение, искренность, доброту девушки. Нивелирующее внешнее уродство внутренней красотой. А внутри, под песочком первого дна, прячется другое, в камнях, осколках и темных пещерах, в которых обитают зубастые мурены.

В пользу именно этой версии свидетельствовали торжествующие взгляды родителей и такие же эмоции Ламина.

Павел задумчиво смотрел на струю воды, льющуюся из стильного, под старину, крана. Да уж, семейка… С ними будет не так просто, как ему показалось вначале. Но ничего, главное…

Стоп!

Павел резко выпрямился и прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Он едва не пропустил чужое проникновение в свой разум. Тонкие, практически неощутимые щупальца-нити начали просачиваться сквозь его ментальный блок, пытаясь дотянуться до него настоящего. И ведь почти получилось!

То ли он слишком отвлекся, задумавшись, и ослабил контроль, то ли кто-то в этом доме обладает угрожающе высоким уровнем способностей.

Очень хотелось бы думать, что дело в его расслабленности, но… Блок выставляется автоматически, Павел даже не особо и контролирует этот процесс, доведя его до совершенства. И сейчас, обрывая нити-щупальца, он ощущал прежнюю монолитность блока, никакой расслабленности-ослабленности.

А значит, наиболее вероятен второй вариант…

Но кто? Кто именно этот противник? Ксения? Да, это первое, что приходит на ум, но не стоит цеплять шоры, в доме и вокруг хватает рептилоидов. И любой из них мог попытаться атаковать гостя или по собственной инициативе, или по поручению хозяина дома.

Да уж, поехал отужинать…

Ладно, раз уж занесло на эти галеры, надо извлечь из визита максимум пользы.

Тем более что на столе в гостиной этой самой пользы было действительно максимум – бедняга стол, казалось, кряхтел под тяжестью тарелок, салатниц, блюд с разнообразнейшей вкуснятиной. А в центре стола стояла запотевшая бутылка водки в окружении надменного виски и изысканного коньяка.

– Ну наконец-то! – Ламин поднялся из-за стола навстречу вошедшему в гостиную Павлу и указал на пустой стул рядом с собой. – Я скоро от голода скончаюсь, а он плещется где-то! Проходи, присаживайся!

– Ничего себе! – Павел обвел взглядом стол и удивленно вскинул брови. – Вы всегда так ужинаете?

– Разумеется, не всегда, – улыбнулся Аскольд Викторович. – Это мои хозяюшки, когда узнали, что я тебя везу, расстарались.

– Все сами?!

– Ну нет, конечно, не стану обманывать, – кокетливо улыбнулась Сесилия, поправляя золотистый локон. – Кухарка наша помогала. Но мы с Ксю тоже руки приложили.

– Золотые руки, не правда ли? – подмигнул Павлу Ламин.

– Согласен.

– Да вы попробуйте вначале, – Ксения как-то странно взглянула на Павла – сердито, что ли? – А потом уж хвалите. Если будет за что, конечно.

– Ни секунды не сомневаюсь, что будет!

Глава 9

Еда и правда оказалась невероятно вкусной, а может, Павел просто истосковался по хорошо приготовленной пище – в столовой рептилоидов кормили сытно, но скучно. Два-три дежурных блюда, чередующихся раз за разом.

А здесь – лепота и благолепие для желудка. Причем такая лепота, что Павел полностью погрузился во вкусовое наслаждение, забыв обо всем на свете. И расслабился. И снова почувствовал щупальца чужого разума. Но на этот раз он не стал обрывать их, пропустив настойчивого визитера на первый уровень сознания. Который как раз и томился в сладкой неге насыщения.

И никаких других мыслей и эмоций, не говоря уже о тайнах, на этом уровне не было. Любуйтесь, сударь или сударыня, вот вам ваш гостюшка – тащится от еды и счастлив.

Ламин снова обменялся мимолетным взглядом с женой, и снова Павел ощутил торжествующее удовлетворение господина депутата. Вот и хорошо, вот и чудненько. Значит, Аскольд Викторович окончательно успокоился на его счет и больше не сомневается в том, что их долгожданный гибрид целиком и полностью на стороне рептилоидов.

– Ну что же, – Ламин разлил по бокалам вино, – давайте выпьем за приятное, надеюсь, знакомство.

– Для нас с Ксюнечкой точно приятное, – улыбнулась Сесилия, поднимая бокал. – Между прочим, Павел, Ксю, по-моему, в вас тайно влюблена!

– Мама! – вспыхнула Ксения. – Что ты такое говоришь?! Как я могу быть влюблена в того, с кем ни разу не встречалась?

– Ну брось, брось, Ксюнечка, – подмигнула дочери Сесилия, – я видела в твоем компьютере фото Павла и статьи о нем.

– Ну и что? – пожала плечами Ксения, нервно крутя в руках бокал на тонкой ножке. – Ничего удивительного или крамольного в этом не вижу. Павел – реальная сенсация для нашего народа, им все интересуются. И вообще, мама, тебе никто не говорил, что шарить в чужом компьютере – это то же самое, что читать чужие письма?

– И ничего я не шарила! – поджала ниточки губ Сесилия. – Ты просто забыла выключить ноутбук, а я…

– Девочки, девочки, не ссорьтесь! – Аскольд Викторович подмигнул Павлу и встал, подняв свой бокал с вином. – Давайте лучше выпьем за знакомство и его дружеское продолжение!

– Да-да! – Сесилия облегченно закивала. – Особенно за продолжение! Вы ведь станете теперь бывать у нас, Павел?

– Я бы с удовольствием, – улыбнулся Павел. – Но это, как вы понимаете, не от меня зависит. А за знакомство выпью, конечно, тем более что оно действительно приятное.

И он тоже поднялся и протянул свой бокал, чтобы чокнуться.

– А ты что же, Ксения? – обратился отец к дочери. – Что зажала в лапках бокал? Не хочешь пить за знакомство? Или мать-балаболка тебя смутила?

– Аскольд!

– Да ладно тебе, Сесилия, возмущаться! Балаболка и есть. Ну все, Ксю, хватит дуться. Выпей с нами.

Ксения, не поднимая глаз, протянула свой бокал, все чокнулись, выпили и как-то вдруг попали в душный пузырь неловкого молчания.

Правда, Павел неловкости не испытывал, а вот настроение остальных очень четко улавливал. Но особо не заморачивался этим – пусть сами разбираются.

– А вот кстати, Павел, – оживилась Сесилия, вспомнив, видимо, о чем можно поговорить, – почему вы сказали, что визиты к нам не от вас зависят? Мне кажется, только от вас – было бы желание.

– Так выпьем же за то, – очень удачно спародировал Павел персонажа из «Кавказской пленницы», – чтобы наши желания всегда совпадали с нашими возможностями!

– Прелесть какая! – манерно расхохоталась Сесилия. – Да вы еще и артист! Давайте выпьем, давайте!

– Мама, – усмехнулась Ксения, – вообще Павел не выпить предложил, а объяснил тебе, что одного его желания недостаточно для визита к нам. Вот если бы он жил в соседнем доме, тогда – да, тогда все зависит от желания. А из поселения не наездишься.

– Все верно, Ксения, – Павел одобрительно подмигнул девушке, – вы улавливаете на лету. Просто мысли читаете!

– К сожалению, нет.

– Что – нет?

– Мыслей читать не умею. А порой очень хотелось бы.

И Ксения пристально посмотрела на Павла.

– Ну, порой всем этого хочется! – развел руками он. – Но чтобы постоянно слышать шуршание и голоса чужих мыслей – бр-р-р! – Павел передернул плечами. – Не дай бог! Так и свихнуться недолго!

– Это вы интересно сравнили – шуршание, – Ксения по-прежнему не отводила взгляда, словно прилипнув зрачками к зрачкам Павла. – Словно слышали такое. Или слышите?

Она. Это точно она. Она пыталась просочиться в его разум.

И сейчас Ксения гипнотизировала Павла. Не таясь, не скрываясь, словно была уверена, что никто не в состоянии сопротивляться.

Впрочем, раньше, наверное, никто и не мог.

Ксения, следовало отдать ей должное, не пыталась подчинить себе Павла или навести морок. Она просто хотела отключить блоки защиты, узнать правду, истинные мысли Павла.

Ну что же, подыграем. Заодно и узнаю, что им надо от меня, и есть ли у смиренной и доброй Ксю двойное дно.

Павел, подпустив в глаза туман безволия, равнодушно таращился в желтые глаза Ксении. Он снова открыл перед девушкой верхний уровень сознания, пусть порадуется.

– Павел! – окликнул его Ламин. – Ау! Ты где? Ты с нами?

Павел молчал.

– Он с нами, – ответила за него Ксения. – Вернее, со мной. И слышит только меня. Да, Павел?

А вот фиг тебе! Ишь, легкой победы захотела! Это было бы слишком просто и подозрительно.

Павел не шелохнулся и не ответил.

– Ну, и как это понимать? – недовольно поинтересовался господин депутат. – Похоже, с ним у тебя не выходит.

– Я бы так не сказала, – вполголоса произнесла Ксения, напряженно нахмурив приклеенные брови. – Он сейчас в трансе, но его ментальные блоки не позволяют подчинить его. Он очень сильный, папа, очень. Я с такими еще не сталкивалась.

– Но он наш? – обеспокоенно уточнил Ламин. – В смысле – он считает себя рептилоидом или человеком?

Ой, да пожалуйста, получите и распишитесь! На, деточка, смотри. На верхнем уровне сознания все так, как надо вам, милейшие мои чешуйчатые друзья.

– Он… – Ксения прищурилась, словно присматриваясь к чему-то. – Он не может определиться. Людей благодаря промывке мозгов он ненавидит за их презрение и унижения. А нас… К нам он никак не может привыкнуть. Страшненькие мы для него, уродливые.

– Да я не об этом! – нетерпеливо махнул рукой Аскольд Викторович. – Было бы странно, считай он нас редкими красавцами, проведя всю сознательную жизнь среди обезьян. Меня интересует, на чьей он стороне? Не прикидывается ли он? Не вспомнил ли свое настоящее прошлое? Дай-ка я тебе помогу, дочка, чтобы быть уверенным.

Павел ощутил, как давление чужой воли стало нарастать, как щупальца превратились в каменные сталактиты, буквально вонзающиеся в разум.

Помню-помню тебя, сволочь! Это ведь ты тогда был главным возле спелеолечебницы[2], ты превратил моих друзей в безвольных марионеток, ты пытался убить их!

Но, если помнишь, я тогда сумел вас победить. И это притом что ты был не один.

Так что даже со своей реально сильной дочурой фиг пролезешь в мои мысли! Только верхний уровень, чердак, так сказать.

Они минуты три шарили по чердаку, чихая от пыли и натыкаясь на ненужные вещи типа навязанных рептилоидами искусственных воспоминаний Павла.

Потом попытались задавать вопросы, но Павел не реагировал.

– Может, хватит? – нервно хрустнула суставами пальцев Сесилия. – Как бы он чего не заподозрил – времени-то уже прилично прошло с момента его отключки.

– Да, крепкий орешек наш парень, – хмыкнул Ламин, прекратив помогать дочери. – Но этим и полезен. Представляешь, Ксения, какими мощными могут быть ваши с ним дети?

– Фантазер ты, папуля, – криво усмехнулась девушка, аккуратно усаживая Павла на кресло. – Во-первых, не факт, что у него вообще могут быть потомки от представительниц нашей расы, а во-вторых – пробовать он будет точно не со мной.

– Ну почему же, – Сесилия подложила Павлу под голову маленькую подушечку, – мы с отцом почувствовали, что ты произвела на гостя позитивное впечатление.

– Его позитив относился не к внешности, мама, и ты прекрасно это понимаешь.

– Ладно, поживем – увидим, – прекратил спор Ламин. – Ксения, а он точно будет думать, что уснул?

– Надеюсь. Ты все узнал, что хотел?

– Не все, но главное. Он – наш. Буди его.

[2] См. роман Анны Ольховской «Эти глаза напротив».

Глава 10

Потом семейство Ламиных разыграло перед Павлом мини-спектакль под названием «Ой, а вы вдруг заснули, прелесть какая!». Упор делался на сытную и обильную пищу, а также на вино, поскольку после выхода из комы Павел к алкоголю еще не притрагивался.

Павел старательно подыграл, мысленно морщась от присутствия на чердаке посторонних – Ксения, похоже, никак не могла угомониться. Ну как же, впервые в жизни облом случился! Не смогла вывернуть наизнанку собеседника.

Но и сам Павел, сосредоточившись на защите, тоже не смог до конца разобраться в истинной сущности дочери господина депутата. Поэтому, воодушевленно кивая в ответ на приглашение почаще бывать у них, в реальности он искренне надеялся больше никогда не встречаться с этой странной девицей. Ну ее в пень с ее мнимым смирением и опасной ментальной мощью!

В подземелье – или поселение, как называли свои норы рептилоиды – Павла отвез водитель Ламина. И когда он выходил из машины, ведущая в подземелье дверь распахнулась, пропуская Макса.

– О, кого я вижу! – радостно осклабился Шипунов. – Наша надежда и опора, наше главное оружие в борьбе с людишками!

Он, прихрамывая, подошел к Павлу и приобнял его, дружески похлопывая по плечу. Павел, прежде считавший Макса чуть ли не лучшим другом и не особо «приглядывавшийся» к его истинным мыслям и эмоциям, сейчас вдруг уловил тщательно скрываемую враждебность. Даже не враждебность – лютую ненависть, черным кипящим комком пульсирующую на самом дне разума Шипунова.

Хм, а вот это уже любопытно! Чем же он спровоцировал такой мощный негатив со стороны помощника господина депутата? Вроде всегда общались дружески, на «дело» вместе ездили, отца похищать…

А, собственно, не все ли равно? Мне что, с ними жить? Сейчас главное – выручить Венцеслава и свалить отсюда. А потом все вместе подумаем, что делать с этими затаившимися змеями.

– Привет, Макс, – усмехнулся Павел, высвобождаясь из объятий. – Ты с пафосом не переборщил, дружище? И обниматься вот лезешь. Ты, случайно, ориентацию не сменил? Может, я чего не знаю? Может, пуля не в ногу попала, а чуть выше?

– Ха-ха-ха, очень смешно, – поаплодировал Макс. – А главное – изящно-то как, неожиданно! Нет, мой дорогой друг, с ориентацией, к твоему большому сожалению, у меня все в порядке.

– Ну а теперь ты блеснул остроумием.

– Ничего подобного, я и не думал шутить.

– Тогда почему я должен расстраиваться по поводу твоей нормальной ориентации?

– А и не должен, это я так, о своем.

Показалось или в голосе Макса рыбьим плавником плеснулось торжество? Ну-ка, ну-ка, надо присмотреться.

Но присмотреться не получилось – даже то, что он смог уловить пульсацию ненависти, было чудом, слишком уж умотали его в доме Ламиных. Сил хватало только на поддержание мысленных блоков.

– А ты, кстати, куда один мотался? Не опасно тебе пока появляться среди обезьян?

– Я среди них и не появлялся. Меня Аскольд Викторович в гости пригласил.

– Понятно, – Шипунов заговорщицки подмигнул Павлу. – Небось с дочкой познакомил? С Ксенией?

– И с дочкой, и с женой, – пожал плечами Павел.

– Ну и как тебе Ксю?

– Интересная девушка.

– Интересная?!! – аж поперхнулся Шипунов.

– Я имел в виду – необычная. С ней интересно общаться. Правда, много пообщаться и не получилось, я там объелся – не удержался просто, столько вкуснятины наготовили, вина выпил пару бокалов и самым позорным образом вырубился, представляешь?

– Представляю, – хмыкнул Макс. – У Ламиных такое частенько случается, Сесилия очень гостеприимная хозяйка.

Вот-вот, передай своему хозяину, что я поверил в байку про сон.

– Ладно, Макс, я пойду, хочу еще в спортзал зайти, калории, за ужином набранные, согнать.

– За фигурой следишь? – подмигнул Макс. – Прямо как девушка. Ну и правильно, тебе ведь надо личную жизнь устраивать. И мне, кстати, тоже.

– Так ты на ночь глядя личную жизнь устраивать похромал?

– Может быть.

И снова плеск торжества в глазах. Да что ж такое-то? Куда он собрался?

– А не рано ли? – приподнял бровь Павел, сосредоточенно сгребая в кучу остатки ментальных сил. – Судя по твоей походке, тебе не мешало бы еще на щадящем режиме побыть.

– Не могу, Павлуша, не могу, дело не терпит отлагательств.

– Дело?

– Ну да, личное дело. Сложное дело, надо сказать, требующее тщательной подготовки.

Павел попытался понять, что имеет в виду Макс, но не получилось. Ладно, утро вечера мудренее, отдохну и займусь торжествующе-загадочным помощником господина депутата.

– Как все у тебя сложно! – покачал головой Павел.

– А что поделаешь?! Хочешь добиться нужного результата – не пори горячку.

– Тут ты прав. Ладно, пока. Увидимся.

– Непременно.

Павел уже закрывал за собой дверь, когда его снова окликнул Шипунов:

– Да, кстати! Там с твоим отцом…

– У меня нет отца!

– Ну хорошо-хорошо, с Венцеславом Кульчицким ситуация осложнилась.

– То есть? Сбежал, что ли?

Павел все силы бросил на то, чтобы удержать за блоками вспыхнувшую надежду.

– От нас не убегают. – Тогда вас ждет сюрприз. – Но твой… но Венцеслав попытался. Его повели на обследование, он вел себя разумно, не дергался. Ну, наши лабораторные крысы и расслабились, перестали следить за каждым его движением. И допрыгались – Венцеслав спер скальпель, порезал одного придурка, взял в заложники другого, потребовал дать ему мобильный. И представляешь, этот трусливый дебил послушно дал ему свою трубу! «Сами бы попробовали сопротивляться со скальпелем у горла!» – Шипунов явно передразнил оправдания соплеменника. – К счастью, в зоне исследовательских лабораторий мобильной связи нет, там только внутренняя, телефонная. Венцеслав велел придурку отвести его в место, где есть связь. И тот повел, представляешь?!!

– Да уж, храбрые у вас ученые, – покачал головой Павел, внутренне одобрительно усмехнувшись – ай да батя, во дает!

Скучный и нудный аристократ, говорите? Ну-ну. Получите плюху.

– Ай, не говори! – махнул рукой Шипунов. – Эти яйцеголовые что у нас, что среди обезьян словно под копирку деланы – кроме своих исследований, ничего не видят, ничего не слышат, ничего знать не хотят. Короче, если бы не оказавшийся поблизости менталист,

вполне возможно, что твоему… что Венцеславу удалось бы связаться со своим псом, Дворкиным.

– А что менталист? Шум услышал?

– Услышал, – усмехнулся Макс. – Только не физический шум, а мысленный. Наш ученый так истерил, что его страх пробил самые толстые стены. Ну, менталист и прислушался к происходящему. И вырубил на расстоянии несостоявшегося беглеца, не особо разбираясь, что там и кто там. Теперь непонятно, то ли благодарить его, то ли наказывать.

– А наказывать-то за что?

– Да перестарался он – Венцеслав, кажется, овощем стал.

– Что?!!

Глава 11

Кажется, на этот раз эмоции удержать в узде не удалось. Они встали на дыбы, вырвались и понеслись яростным галопом.

– А чего это ты так занервничал? – Макс, прищурившись, пристально вгляделся в глаза Павла. – Папу жалко стало?

– Да пошел ты! – ничего, ярость – вполне объяснимая эмоция. – Я что, радоваться должен?

– Ну, радоваться не радоваться, но и огорчаться особого повода нет. Наши доблестные ученые, очухавшись, сказали, что так, может быть, и лучше – овоща можно не опасаться, с ним не надо церемониться – делай с ним, что хочешь, любые эксперименты, любой биоматериал – без проблем. В таком состоянии Венцеслав точно скальпелем размахивать не станет. Он теперь безвольная кукла – таращится пустыми глазами и молчит. Правда, тут новая проблема вырисовывается – с овощем перестараться можно, увлекшись.

– Вот это и плохо!

– Плохо, конечно, но нашим яйцеголовым велено тщательно следить за сердцебиением и давлением нашего кабачка. Так что раньше, чем перестанет быть полезным, не сдохнет.

– Да плевать мне на ваши опыты! Я на операцию по захвату этот типа пошел только ради того, чтобы в глаза ему посмотреть, спросить – за что он так со мной?! С матерью! С братом! А теперь что? Что?!! С овоща спрашивать? С тыквы?! Или, как ты говоришь, кабачка?!

– Это да, это я не подумал, – видно было, как напряжение ушло из глаз Шипунова, сменившись сочувствием. Внешним сочувствием, скрывающим внутреннее злорадство. – Извини.

– Ладно, проехали. Пойду я.

– Но зато с матерью сможешь скоро увидеться! – крикнул Павлу в спину Шипунов.

– Это радует, – буркнул Павел, закрывая за собой дверь.

Как они все ему надоели, твари проклятые! Как он устал притворяться, сдерживаться, постоянно держать мысли и эмоции под контролем!

А ведь совсем мало времени прошло с того момента, как он обрел себя, став прежним. Раньше было проще – автоматический мысленный блок держать, и все. Никакого притворства, никакого напряжения – он искренне считал рептилий своим народом, а людей – поганными злобными обезьянами.

И питал нежные чувства к Магде и моральному уроду Гизмо…

Ладно, хватит себя жалеть, рохля! Надо отыскать отца и попытаться помочь ему. Надо заглянуть в его разум, чтобы оценить масштаб разрушений, нанесенных чересчур усердным змеем-менталистом.

В спортивный зал Павел не пошел, не хотелось ни с кем общаться. Он сразу направился в свою каморку, принял душ и лег спать.

И сразу отключился. И включился только от стука в дверь и голоса Ламина:

– Павел! Хватит спать! Ты опять проспал завтрак!

– Иду! – сипло проклекотал Павел, присматриваясь к циферблату настенных часов.

Ого, уже десять утра! Неслабо он подремал! Но зато восстановился полностью, внутренняя сила бурлила и пузырилась, требуя действий. Ну что же, значит, будем действовать!

Павел упруго поднялся, подошел к двери и отпер ее.

– Доброе утро, Аскольд Викторович! Что-то вы зачастили ко мне. Разве сегодня нет заседания Думы?

– Есть, но позже, – Ламин вошел и, по-хозяйски усевшись на стул, закинул ногу за ногу. – Решил вот к тебе заглянуть, узнать, как ты себя чувствуешь после вчерашнего визита. А то на завтрак не явился – мне Макс сказал, – я и забеспокоился.

– Напрасно беспокоились. Как видите – чувствую я себя превосходно. Вчера хотел после обильного ужина в спортзал сходить, но сил хватило только до подушки добраться. Сам удивляюсь себе в последнее время – сплю и сплю, даже вот в гостях, к стыду своему, умудрился отключиться.

– Ничего удивительного, Павлуша, ты таким образом восстанавливаешься. Твой организм удивительный, сам все делает, без лекарств. И это прекрасно! Ну, как тебе у меня в гостях? Только честно?

– Разумеется, честно, и абсолютно искренне – у вас там классно. Особенно если сравнивать с этим, – Павел обвел рукой свою каморку.

– А ты хотел бы жить в таком доме?

– Совру, если скажу «нет».

– Тогда у меня к тебе деловое предложение. Только отнесись к нему правильно и обещай подумать.

Ого, кажется, господин депутат сразу берет быка за рога.

Павел сел на кровать:

– Я весь внимание.

Ламин пару мгновений молчал, рассматривая собеседника и постукивая пальцами по столу. Затем заговорил:

– В общем, так. Я предлагаю тебе стать моим зятем.

Он замолчал, ожидая реакции на свои слова. Но никакой реакции не последовало, Павел с прежним спокойным вниманием смотрел на Ламина.

– Вижу, ты не особо удивлен. Или удачно скрываешь эмоции. Ну что же, я продолжу. Я понимаю, что моя дочь, она… Она не может привлечь мужского внимания, даже среди нашего народа. Но тебе ведь все наши девушки кажутся пока редкими страшилищами, не так ли?

Павел не ответил.

– Сам знаю, что так, – усмехнулся Ламин. – А вот ты, наоборот, для наших дам – просто принц из сказки. И, разумеется, для моей Ксении тоже. Сесилия вчера сказала правду – наша дочь и вправду влюблена в тебя и мучается от этого. Она умна и все прекрасно понимает. Понимает безнадежность своих чувств, на которые никогда не будет ответа…

– Аскольд Викторович, – слегка поморщился Павел. – Вас куда-то не туда занесло. Вы ведь не о чувствах пришли поговорить, речь шла о деловом предложении?

– Да, прости, я отвлекся. Все-таки дочь, сам понимаешь, хочется счастья для девочки, она с детства страдает из-за своей внешности. Вот я и хочу ее порадовать, можно сказать, купить ей счастье.

– Купить?

– Именно. Если ты станешь моим зятем, ты будешь жить в нашем доме, я устрою мощную пиар-поддержку для твоей раскрутки в мире людей, сначала станешь моим помощником в Думе, а это уже – куча привилегий. А потом и собственно депутатом, я устрою. И вместе мы поможем нашему народу выйти из подземелий. Но самое главное – если у вас с Ксенией получится произвести на свет потомство, ты представляешь, насколько сильными в плане экстрасенсорных способностей будут ваши дети?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.